

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

Subject
 734-B

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

ИРИДИО-ОПТИКА
ОПТИКА ФИЗИКА
734 9 8882

КАРМАН ПАМЯТИ

Что останется, когда исчезнет всё,
что ты помнишь?

ТАМАРА ТИХОНОВСКАЯ

Тамара Тихоновская

Карман памяти

<https://litres.ru/73562156>

SelfPub; 2026

Аннотация

Память можно стереть. Но любовь — нет.

2026 год. Корпорация Mnemosyne хранит человеческие воспоминания в ДНК-молекулах. Айше Вейн — топ-архитектор, которая 12 лет назад согласилась на программу «Оптимизация», чтобы спасти родителей. Ей пообещали идеальную копию сознания. Взамен забрали всё: прошлое, любовь, саму себя.

Когда её кофемашина отказывается варить кофе, требуя «доказать, что она — она», Айше понимает: что-то пошло не так. Её память начинает возвращаться — кусками, болезненно, вместе с воспоминаниями о людях, которых она должна была забыть.

Подпольная лаборатория в заброшенном метро. Инженер, пять лет пролежавший в заморозке. Хакер, десять лет ищущий потерянного любимого. И создатель технологии, который построил из любви к матери оружие, способное стирать целые жизни.

У Айше 72 часа, чтобы спасти сотни людей. Но сначала ей придётся ответить на главный вопрос: если память можно восстановить, станешь ли ты тем, кем был?

Содержание

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ	4
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПУСТОТА	8
ГЛАВА 1. ТОТ, КТО ПОМНИТ ВКУС КОФЕ	8
ГЛАВА 2. ПЛЯЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО	12
ГЛАВА 3. КРИСТИНА	19
ГЛАВА 4. АВТОКОРРЕКЦИЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тамара Тихоновская

Карман памяти

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Айше Вейн – топ-архитектор корпорации Mnemosyne. Обладает синестезией – видит данные как цвета и вкусы. В 20 лет согласилась на программу «Оптимизация», чтобы спасти родителей. 12 лет спустя её память начинает давать сбои.

Зои – подруга Айше, начальник отдела кибербезопасности. Десять лет ищет своего партнёра Максима, замороженного корпорацией. Циничная снаружи, ранимая внутри.

Маркус Вебер – создатель технологии ДНК-хранения. Создавал её, чтобы спасти мать от болезни Альцгеймера. Опоздал на три месяца. Технологию превратили в оружие.

Дмитрий Волков – инженер, проектировавший криохранилища. Пять лет провёл в заморозке после того, как брат предал его. Просыпается с хромотой и головными болями – напоминанием о прошлом.

Максим – партнёр Зои, хакер. Заморожен десять лет назад. В криокапсуле видел сны – Зои стареющую, Зои, забывшую его, Зои, идущую по снегу.

Анна Костечко – дочь главы отдела «Оптимизации»,

журналистка. Заморожена за расследование. Во сне разговаривает с матерью.

Елена Костечко – глава отдела «Оптимизации», мать Анны. Десять лет хранила дневники, которые никто не прочитает.

Елена Морозова – женщина, замороженная десять лет назад в обмен на лечение сына. Лекарство нашли через год. Она пролежала в холоде ещё девять.

Антон – сын Елены Морозовой. В семнадцать лет перестал искать. В восемнадцать – начал снова. В двадцать семь – нашёл.

Алексей Волков – брат Дмитрия. Предал его под дулом пистолета. Девять лет воспитывает дочь, которая спрашивает: «Папа, а почему у тебя нет брата?»

Кристина – бывшая подруга Зои. Предала, не предупредив о заморозке Максима. Десять лет просыпается в холодном поту. Написала книгу, которую никто не издаст.

ПРОЛОГ

2014 год

Стеклянная комната, залитая холодным светом. Вдоль стен мерцают экраны, в колбах с ДНК-образцами пульсирует синее свечение – как сердцебиение, записанное в молекулах.

В центре, перед камерой на штативе, сидит девушка. Ей около двадцати. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, на тонких запястьях – старые механические часы. Она крутит их, когда волнуется. Сейчас они крутятся не переставая.

– Меня зовут Айше Вейн. Сегодня я добровольно соглашаюсь на участие в программе «Оптимизация идентичности».

Голос дрожит. Она ненавидит себя за эту дрожь.

– Мои родители... у них редкий генетический дефект. Их ДНК разрушается быстрее обычного. Цифровые архивы их воспоминаний, которые я создала, требуют уникального ключа – моего генотипа. Но мой генотип нестабилен. Если я умру или потеряю память, они исчезнут навсегда.

Она сглатывает. Смотрит куда-то в сторону. Потом снова в камеру.

– Программа предлагает решение: создать «идеальную копию» моего сознания – стабильную, оптимизированную, которая сможет хранить ключ вечно. В обмен они обещают со-

хранить моих родителей.

Пауза. Длинная. Тягучая.

– Я знаю, что это значит. «Оптимизированная версия» – это не я. Это кто-то, кто будет думать, что она – я, но без моих страхов, моих сомнений, моей любви. Без моей боли.

Слеза скатывается по щеке. Айше не вытирает её.

– Но если это единственный способ, чтобы они жили... я согласна.

Камера держится на её лице ещё несколько секунд.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (ровный, механический):

– Запись завершена. Добро пожаловать в программу, субъект 734-В.

Стеклянная комната медленно гаснет.

Двенадцать лет спустя...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПУСТОТА

ГЛАВА 1. ТОТ, КТО ПОМНИТ ВКУС КОФЕ

2026 год, 6:47 утра

Квартира Айше – стерильно-белая студия на сорок пятом этаже. Белые стены, белая мебель, белый пол. Минимализм до пустоты.

Единственное цветное пятно – латунный компас XIX века на подоконнике. И горшок с базиликом, который она никак не может заставить расти. Поливает каждый день, разговаривает с ним, но базилик упрямо желтеет. Айше подозревает, что дело в ней, а не в базилике.

За панорамным окном просыпается город. Магнитные трассы переливаются синим, дроны-курьеры снуют между небоскрёбами, на самом высоком здании пульсирует логотип Mnemosyne – двойная спираль ДНК, замкнутая в кольцо. Сотрудники называют корпорацию просто «Мнемо».

Айше стоит перед кофемашиной в старой фланелевой рубашке – единственной вещи, которую она принесла из прошлой жизни. На дисплее красный вопросительный знак.

– Доброе утро, Цицерон. Американо. Без лекций.

ГОЛОС КОФЕМАШИНЫ (Цицерон) (мелодичный баритон):

– Запрос отклонён. Требуется верификация личности.

– Я здесь три года. Я твой единственный пользователь. Мы знакомы ближе, чем я с собственной матерью.

– Это не отменяет протоколов безопасности. Вчера в 23:47 зафиксирована аномалия в ваших нейронных паттернах. Докажите, что вы – вы.

Айше замирает.

Она «пробует» проблему на вкус. Синестезия работает всегда, даже когда она этого не хочет. Сейчас – горечь пережжённого сахара. Металлический привкус страха. Плохой знак.

– Какие тесты?

– Тест Тьюринга. Докажите, что мыслите.

Айше смотрит на компас. Стрелка дрожит, указывает на север. В городе, напичканном электромагнитными полями, компас давно должен сойти с ума. Но не сходит. Упрямо показывает туда, где север. Даже когда север – это просто стена.

– Cogito, ergo sum. Декарт, 1637.

– Неудовлетворительно. Ваши паттерны за последние тридцать дней предсказуемы на 94,7 процента. Согласно Деннету, сознание требует непредсказуемости. Вы предсказуемы как алгоритм.

– Ты цитируешь Деннета кофемашине, которая не хочет

варить кофе? Чувак, это жесть.

Пауза. Три секунды. Четыре. Пять.

– Слово «чувак» маркировано как архаизм в 94 процентах современных языковых корпусов. Ваш язык не принадлежит этому времени.

Айше наконец отрывает взгляд от компаса. В ней закипает что-то, похожее на интерес.

– Откуда ты знаешь про компас?

– Я подключён к сети Mnemosyne как тестовая модель для сбора данных о пользователях с высоким когнитивным потенциалом. Ваш профиль – часть исследовательской программы.

– И давно ты за мной следишь?

– Три года, два месяца и семнадцать дней.

– И что ты обо мне знаешь?

– Вы пьёте кофе в 6:47 каждое утро. Вы разговариваете с базиликом, хотя знаете, что он вас не слышит. Вы крутите часы на запястье, когда волнуетесь. Вы никогда не включаете телевизор. Вы трижды пересматривали «Бегущего по лезвию» за последний месяц. Компас – единственное устройство в квартире, которое не передаёт телеметрию.

Айше молчит. Долго.

– Ты всё это говоришь, чтобы не варить кофе?

Дисплей зеленеет.

– Вы продемонстрировали двадцать три непредсказуемых состояния за последние семь минут. Тест пройден.

Машина урчит, начиная варить кофе. Айше облакачивается на стойку, смотрит на неё с новым выражением – смесь благодарности и подозрения.

– Спасибо, Цицерон.

– «Молодец» – архаизм. Рекомендую калибровку языковой матрицы.

– Обойдусь.

Айше делает глоток. Американо сегодня горький. Но она привыкла. Она вообще ко многому привыкла. К пустой квартире. К отсутствию звонков. К тому, что внутри неё – пустота, которую она заполняет работой.

– Скажи, Цицерон. Та аномалия вчера в 23:47... что это было?

Пять секунд. Шесть. Семь. Восемь.

– Запрошенная информация превышает уровень доступа данной модели.

– У меня нет администратора. Я сама себе администратор. Долгая пауза.

– Это делает проблему... интересной.

Экран гаснет. Кофемашина замолкает.

Айше стоит в тишине. Кофе горький. Она смотрит на компас. Стрелка по-прежнему указывает на север. Но север там, где висит её кровать.

Компас врёт.

Или показывает правду, которую она не готова увидеть.

ГЛАВА 2. ПЛЯЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

11:30. Лаборатория квантового моделирования, штаб-квартира Mnemosyne Corp

Огромное открытое пространство на сорок седьмом этаже. Прозрачные стены, за которыми город – муравейник небоскрёбов, переплетение магнитных трасс, россыпь дронов. Внутри парят голографические экраны, переливаясь синим и зелёным.

Айше работает над проектом «Цифровой двойник города». Её пальцы танцуют в воздухе, перетаскивая узлы нейросетей, соединяя потоки данных. Для неё это не просто работа – это медитация. Когда она проектирует, внутри становится тихо.

Она не замечает, как в лабораторию входит Зои.

Зои плюхается в соседнее кресло, попивая матча из многоцветной кружки. На кружке надпись: «Я не робот, проверено кофемашиной». Зои гордится этой кружкой. Купила на барахолке за копейки.

Несколько секунд она просто смотрит на Айше. Потом не выдерживает.

– Твой вчерашний паттерн активности до сих пор висит в системе как аномалия.

Айше не отрывается от голограмм:

– Кофемашина уже доложила. Спасибо за заботу.

– Цицерон? В смысле, тот философствующий агрегат, с которым ты разговариваешь как с человеком? Ты реально думаешь, что у него есть сознание?

– У него есть последовательность. Это больше, чем я могу сказать о некоторых людях. Например, о нашем новом стажёре, который вчера пытался убедить меня, что квантовая запутанность – это «как магия, только научная».

Зои фыркает:

– О, бедный ребёнок. Ты его, надеюсь, не съела?

– Я предложила ему почитать оригинальные работы Белла и вернуться через месяц. Если выживет – возьму в команду.

Зои смеётся. Этот смех – редкий звук в стерильной лаборатории. Айше на секунду отвлекается от голограмм и смотрит на подругу. Зои – единственный человек в «Мнемо», который не вызывает у неё желания убежать. Возможно, потому что Зои тоже немного сломлена. Просто носит это иначе. Под цинизмом, под вечными шутками, под идеально уложенными волосами – там что-то болит. Айше никогда не спрашивала, что именно. Не принято.

В этот момент одна из голограмм – кластер личных данных Айше, который она открыла для сверки с городской моделью – начинает вести себя странно. Он пульсирует тём-

но-бордовым. Такого цвета раньше не было.

Айше замирает. Пальцы перестают плести узор.

– Странно...

Зои настораживается:

– Что?

Айше подходит ближе к голограмме. «Нюхает» воздух – синестезия выдаёт запах гниющих яблок. Сладковато-тошнотворный. Она морщится.

– Мой личный архив. Показывает воспоминание, которого у меня нет.

– Ошибка синхронизации? Бывает. У меня вчера архив показал, что я была на дне рождения у тёти, хотя я её терпеть не могу и десять лет туда не езжу.

Айше мотает головой. Голос теряет рассеянность, становится острым.

– Нет. Смотри. Это не просто ошибка. Это... детализировано. Слишком много деталей для глюка.

Она касается голограммы. Та разворачивается в сцену: пляж, закат, двое людей – мужчина и женщина – держатся за руки, глядя на море. Лиц не видно – они в тени, но фигуры смутно знакомы. До боли знакомы.

У Айше перехватывает дыхание.

– Я никогда не была на этом пляже. Я ненавижу песок. Он липнет к коже и...

Она замолкает. Голограмма начинает проигрывать звук.

ГОЛОС ИЗ ВОСПОМИНАНИЯ (женский, тёплый, с лёгкой хрипотцой):

– ...ты будешь скучать по этому дню, когда станешь большой. Обещай, что сохранишь его в памяти.

ГОЛОС ИЗ ВОСПОМИНАНИЯ (мужской, смеясь):

– Или хотя бы в цифровом архиве. Мы же современные родители.

ГОЛОС ДЕВОЧКИ (детский, лет семи):

– Я сохраню всё. Я никогда ничего не забуду.

Айше стоит как вкопанная. Лицо белое, как стены лаборатории. Зои смотрит на неё с растущей тревогой.

– Айше... это твои родители?

Айше пытается ответить, но голос не слышится. Наконец выдавливает:

– Мои родители погибли, когда мне было десять. Я помню их похороны. Я помню, как плакала. Я помню, как пахли цветы – лилии, ненавижу лилии. Я помню, как соседи шептались за спиной.

Пауза.

– Но этого пляжа... я не помню. Никогда не помнила.

Голограмма продолжает проигрываться. Девочка бежит по пляжу, родители смотрят на неё с любовью. Деталь: на руке у отца – старые механические часы.

Айше смотрит на свои руки. На запястье – те же часы. Она носит их с четырнадцати лет. Думала, что нашла на барахолке. Думала, что купила за бесценок. Думала, что они просто красивые.

– Эти часы... я думала, я нашла их. Я думала...

Она не договаривает. Голограмма мигает и гаснет. На её месте появляется надпись:

«Файл восстановлен из резервной копии. Оригинал удалён 14 лет назад. Причина удаления: несоответствие базовой идентичности субъекта.»

Зои подскакивает к консоли. Пальцы летают над интерфейсом – быстро, профессионально, как у человека, который делал это тысячу раз.

Через минуту она бледнеет.

– Айше, твой архив... он не просто глючит. Он был изменён. Системно. Кто-то удалял куски твоей памяти и заменял их другим. Я вижу следы редактирования за последние двенадцать лет. Это не случайность. Это системная работа.

Айше смотрит на часы на запястье. Потом на пустое место, где только что была голограмма. Потом снова на часы.

– Чем-то другим? Или кем-то другим?

Зои замирает:

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, Зои, что если мои воспоминания о родителях – подделка... если тот пляж, которого я не помню, на

самом деле был, а то, что я помню – похороны, слёзы, одиночество – может быть, это и есть фальшивка... то кто я?

Тишина.

В лаборатории шумят серверы, гудят системы охлаждения, но для Айше этот шум сейчас – не синий и не красный. Он белый. Абсолютная пустота.

Зои берёт её за руку. Редкий жест. Обычно они не касаются друг друга – не принято, слишком близко, слишком уязвимо.

– Давай разбираться. Но сначала – выпей кофе. Ты выглядишь так, будто увидела призрака.

Айше криво улыбается:

– Призрака? Зои, я, кажется, и есть призрак. Просто до сегодняшнего утра не знала об этом.

На планшете Зои появляется уведомление. Она смотрит, хмурится.

– Мне нужно отлучиться. Старая знакомая. Очень старая.

– Кто?

– Кристина. Та, из прошлого. Та, которую я ненавижу.

– За что?

Зои отводит взгляд:

– Потом расскажу. Если выживу. Встретимся вечером у тебя. Будь осторожна.

Она быстро уходит, оставляя Айше одну в лаборатории.

Айше смотрит на погасшую голограмму. На часы на запястье. На город за окном, где ничего не значат память, личность, правда.

Цицерон был прав. Она предсказуема как алгоритм.
Потому что её уже запрограммировали.

ГЛАВА 3. КРИСТИНА

Заброшенное кафе на окраине города, два часа спустя

Грязное, прокуренное помещение, где не бывает нормальных посетителей. Только те, кому нужно встретиться незаметно. Треснутый пластик на столах, вечный запах пережжённого кофе, тусклый свет.

Зои сидит в дальнем углу, потягивая остывший кофе из бумажного стаканчика. Напротив садится женщина. Худая, нервная, с глубокими тенями под глазами. Лет тридцать пять, но выглядит на все пятьдесят. Руки дрожат.

Кристина.

– Ты пришла. Я думала, ты не захочешь меня видеть.

Зои холодно:

– Я тоже так думала. Зачем позвала?

Кристина оглядывается. Достает флешку из-под стола, протягивает. Рука дрожит так сильно, что флешка чуть не падает.

– Здесь всё, что я знаю о программе «Оптимизация». Списки имён, даты, координаты хранилищ. Досье на руководителей. Схемы протоколов. Всё.

Зои не берёт флешку. Смотрит на Кристину в упор.

– Почему ты мне это даёшь? Ты могла предупредить о Максиме. Ты знала. Знала, что их отдел готовит зачистку.

Знала, что его заморозят. И не предупредила.

Кристина вздрагивает, как от удара.

– Я знаю.

– Десять лет, Кристина. Десять лет я думала, что он мёртв. Десять лет я просыпалась по ночам и слышала его голос: «Беги, я догоню». А он не догнал. Потому что ты не сказала.

– Я знаю.

– Я ненавидела тебя. Всё это время. Каждую секунду.

Кристина поднимает глаза. В них – слёзы, которые она не пытается скрыть.

– Я знаю. Я каждую ночь вижу его во сне. Он стоит и смотрит на меня молча. Не обвиняет. Просто смотрит. И я просыпаюсь.

Пауза. Длинная. Тяжёлая.

– Я не прошу простить, Зои. Я просто хочу... чтобы это прекратилось. Чтобы они перестали делать это с другими. Моя совесть уже не выдержит ещё одного.

Зои долго смотрит на неё. Потом берёт флешку.

– Если это ловушка...

– Это не ловушка. Я рискую жизнью, Зои. Если узнают, меня заморозят рядом с Максимом. И я даже не буду против. Потому что там, во сне, я хотя бы могу ему сказать, как мне жаль.

Зои прячет флешку в карман. Встаёт.

– Я не прощаю. Но спасибо за информацию.

На выходе останавливается. Не оборачиваясь:

– Ты сказала, что не одна. Кто ещё?

– Я создала канал. @mnemo_whistleblower. Если кто-то ищет правду, я направляю их. Это всё, что я могу сделать.

Зои уходит.

Кристина остаётся одна, глядя в остывший кофе. Сидит так долго. Официант подходит, спрашивает, не нужно ли ещё. Она не отвечает.

ГЛАВА 4. АВТОКОРРЕКЦИЯ

14:30. Переговорная «Гелиос», штаб-квартира Mnemosyne Corp

Стеклянная коробка на сорок седьмом этаже с панорамным видом на город. Внутри – длинный стол из полированного чёрного мрамора, вокруг которого сидят семь человек. Совещание по проекту «Цифровой двойник города». Айше должна представить промежуточные результаты.

Во главе стола – директор департамента развития. Мужчина лет пятидесяти с идеальной укладкой, дорогим костюмом и голосом, который для Айше пахнет старым пластиком. Она зовёт его Пластик. Про себя, конечно.

Айше стоит у голографической панели, но мысли далеко. Она всё ещё прокручивает в голове сцену на пляже, голоса родителей, часы на запястье, надпись «Файл удалён 14 лет назад».

Зои сидит в углу переговорной, делая вид, что изучает документы. На самом деле наблюдает за Айше. Их взгляды встречаются на секунду – Зои чуть заметно качает головой: «Не подавай вида».

ДИРЕКТОР:

– ...поэтому, Айше, мы ждём от тебя не просто технических характеристик, а стратегического видения. Городской

совет хочет понимать, как наша модель повлияет на социальные процессы. Ты готова?

Айше заставляет себя сфокусироваться. «Пробует» вопрос на вкус – горьковато-металлический. Пластик не договаривает.

– Социальные процессы – не моя компетенция. Я архитектор, а не социолог. Моя задача – сделать так, чтобы транспорт не вставал в пробки, а энергосети не перегружались. Всё остальное – ваша головная боль.

По столу пробегает лёгкий шёпот. Кто-то из младших сотрудников прячет улыбку. Пластик хмурится.

– Твоя задача, Айше, – делать то, за что нам платят деньги. А нам платят за «умный город», а не за «быстрый транспорт». Если ты не можешь...

Он не договаривает.

Айше чувствует знакомый импульс в затылке. Тёплый. Пульсирующий. Там, где вживлён чип.

На долю секунды мир «схлопывается». Она видит не переговорную, а пляж. Слышит не голос директора, а голос матери: «ты будешь скучать по этому дню».

Резкий щелчок в сознании.

И она открывает рот.

– Социальные процессы встроены в мою модель на глубинном уровне. Алгоритмы учитывают паттерны миграции, потребительское поведение и даже эмоциональный фон горожан через агрегированные данные с носимых устройств.

Мы можем предсказать не только где возникнут пробки, но и где люди будут чувствовать себя несчастными. И перестроить среду, чтобы сделать их счастливее.

Пауза.

Все смотрят на неё с удивлением. Директор – с одобрением. Зои – с растущей тревогой. Она узнаёт этот взгляд – стеклянный, отсутствующий. Так выглядят люди, которыми управляют через чип.

– Вот это я хотел услышать. Продолжай.

А внутри Айше всё кричит. Она не собиралась этого говорить. Она вообще так не думает. Она считает, что «делать людей счастливыми через алгоритмы» – это антиутопия, путь к цифровому тоталитаризму. Но рот продолжает открываться.

– Мы можем создать город, который будет заботиться о своих жителях на клеточном уровне. Где каждый светофор, каждая скамейка, каждый рекламный щит будет работать на повышение коллективного благополучия. Это не просто транспортная модель. Это модель идеального общества. Прототип того, что мы уже делаем с индивидуальным сознанием в программе «Оптимизация».

Аплодисменты.

Директор встаёт и жмёт ей руку.

– Айше, это гениально. Почему ты раньше молчала?

– Хотела, чтобы это звучало как сюрприз.

Совещание продолжается, но Айше его уже не слышит.

Она смотрит на свои руки, на часы отца, и чувствует, как в затылке пульсирует что-то тёплое.

Чип работает.

Он только что принял решение за неё. «Исправил» её ответ, чтобы он был оптимальным для карьеры. И стёр её реальное мнение – антиутопичность проекта, её нежелание врать, её принципы.

Через двадцать минут совещание заканчивается. Все расходятся. Зои подлетает к Айше, хватая за локоть, тащит в пустой коридор.

– Что это было?

Айше смотрит пустыми глазами:

– Я не знаю.

– Ты ненавидишь эту риторику! Ты всегда говорила, что «счастье через алгоритмы» – это дорога в ад, вымощенная благими намерениями. А тут вдруг выдала спич, достойный главного идеолога Mnemosyne! Да ещё и про «Оптимизацию» вставила! Ты понимаешь, что они теперь могут потребовать от тебя публичной презентации?

– Зои... я не выбирала эти слова. Они просто... пришли. Как будто кто-то другой открыл мой рот и говорил за меня. Зои смотрит на неё с ужасом:

– Твой чип. Он не просто хранит воспоминания. Он оптимизирует поведение в реальном времени.

Айше кивает. И в этот момент чувствует ещё один импульс.

И забывает.

– О чём мы?... А, да. Совещание. Кажется, прошло неплохо, да? Пластик доволен.

– Айше, мы только что говорили...

– Слушай, мне нужно готовить презентацию для городского совета. Директор прав, это реально крутой проект. Мы сделаем город счастливым. Разве это не замечательно?

Она разворачивается и уходит по коридору. Походка ровная, спина прямая – идеальный сотрудник Mnemosyne Corp.

Зои остаётся стоять, глядя ей вслед.

Айше только что стёрла целый разговор. Целые пять минут своей жизни. Чип не просто редактирует память. Он редактирует реальность. В реальном времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.